

“КАМЕНЬ ПРЕТЫКАНИЯ” И “ПРОТИВОГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАСКОЛ” (О СТРАННИКАХ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.)^{*}

Согласие странников (бегунов) отличается разнообразием местных наименований его последователей. В Пермском уезде они были известны под названием “пустынники”, “красноверы”, “федоринцы”, “ярославское согласие” и “голубешники”, в Нижнем Тагиле, Невьянске, Висимо-Уткинске – как “лучинковцы”, на Салдинских заводах – “пахтеи”, в Староуткинске – “воронова вера”¹.

Основная масса уральских бегунов принадлежала к “статейникам”². На территории Урала у них располагалось несколько пределов, в состав которых входили общества в заводских поселках и селах, а также скитские общины. Связи поддерживались как с монастырем странников в г. Данилове

---

^{*} Статья подготовлена при поддержке научной программы Министерства образования РФ “Университеты России”.

¹ Зафиксированы современные варианты объяснения некоторых из этих названий: “лучинковцы” – так как молились не при свечах, а при лучинах (Архив ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 6. С. 26), “воронова вера” – жили по ул. Вороновой в пос. Староуткинск (Там же. С. 28).

² В 1860 г. собор странников одобрил написанные одним из руководителей и идеологов согласия Никитой Семсеновым (Киселевым) Статьи для управления братством. Статьи предназначались для регламентации внутренней жизни странников и обосновывали введение иерархии: по территориальному принципу и с учетом численности последователей были созданы “пределы”, во главе каждого из них должен был стоять старший предела (“в подобие епископа”). Два-три предела образовывали “страну” (митрополию), во главе которой (старшим страны) становился наиболее авторитетный из старших предела. Один из начальствующих над странами, превосходивший других “честью и властью”, избирался главой страннического согласия – “преимуществим старшим”. С 1860 г. эту должность занимал сам Никита Семенов вплоть до своей смерти в 1894 г. Несколько наставников не признали введения статей и выступили с критикой их автора. Это привело к расколу внутри бегунского согласия на статейников (иерархитов) и противостатейников. Главные центры последних располагались в основном в Поморье и Сибири (см.: Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Н. Покровского (История Сибири. Первоисточники. Вып. IX). Новосибирск, 1999. С. 532–575, 752–761; Мальцев А. И. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства, Екатеринбург, 22–25 ноября 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 222–227).

Ярославской губернии, так и со скитами в Томской губернии. На томские скиты как на источник распространения странничества по Тобольской губернии указывали местные знатоки “раскола старообрядства”³.

В ходе обследования 1912 г. удалось учесть лишь минимальное число странноприимцев. Произошло это из-за скрытности сторонников согласия и плохой осведомленности местных властей о состоянии староверия на подведомственной территории. При более подробных изысканиях обычно выявлялось, что количество приверженцев сей “вредной секты” превосходит предполагаемые цифры. Так, например, только по закамским деревням Пермского уезда, тяготеющим к с. Ильинскому, в 1914 г. обнаружилось 118 дворов странников с 10 молевыми домами⁴ (в то время как по данным 1912 г. во всей Пермской губернии их указано всего 249 чел.). Неудивительно, что о трудноуловимости странников слагались почти легенды: “поговаривают, что в Нейво-Рудянском заводе земская квартира помещается в доме пристанодержателя странников. В то время, когда господин становой пристав вверху (во 2-м этаже) занят служебными делами, а хозяин дома вертится тут же в передней, предупреждая желания начальника, в подземелье подполья происходит у странников заседание”⁵.

В Екатеринбургской епархии центрами странничества в конце XIX – начале XX вв. числились Невьянский, Верхнейвинский и Нейво-Рудянский (там проживал главный местный странноприимец – невянский крестьянин Павел Дормидонтов Кадцын) заводы, деревни Федьковка и Обжорина Екатеринбургского уезда, а также Висимо-Уткинский, Верхне- и Нижнесалдинские заводы Верхотурского уезда⁶. В обоих уездах в 1903 г. миссионеры насчитывали 561 бегуна⁷. В 1901 г. священники прихода Верхнесалдинской православной церкви (включал в себя завод и д. Северную) жаловались, что секта странников-“пахтеев”, известная здесь еще с 1820-х гг., в последнее время сильно умножилась и насчитывает уже не 2–3 семьи как раньше, а более трех десятков последователей⁸. В Верхней Салде они собирались на моление у братьев Бабкиных, а в Северной – у крестьянина Вернигоры. Наставником был крестьянин Анисим Назаров Зуев⁹. Даже составив список наиболее активных “пахтеев”, местные церковные власти пребывали в рас-

³ Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола и сектантства в Тобольской епархии // ТЕВ. 1909. № 17. С. 457.

⁴ См.: Куляшов А. Миссионерский съезд в с. Ильинском // ПЕВ. Неофиц. отд. 1914. № 35. С. 730–732.

⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 107. С. 31.

⁶ Там же. Д. 85. Л. 22–23.

⁷ Там же. Д. 172. Л. 12 об.

⁸ Там же. Д. 70. Л. 3–4, 53, 66.

⁹ Там же. Л. 66; Д. 85. Л. 56.

терянности и не были уверены в его полноте, поскольку “сектанты” уклонившимися от церкви открыто себя не признавали, крестились, венчались и причащались в местном православном храме, от принятия в дом священника с крестом не уклонялись, но из их семей регулярно исчезали люди¹⁰.

Во второй половине XIX в. появилась тенденция перехода к бегунам наиболее радикально настроенных представителей часовенного согласия. Самое примечательное присоединение к странническому согласию в Пермской губернии в начале XX в. было связано с именем крестьянина Богородской волости Пермского уезда, проживающего в с. Ильинском – Василия Ивановича Рукавицына. Приблизительно в 1897–1898 гг. он, считавшийся начетчиком часовенных, любителем книжной мудрости и владельцем большой библиотеки, познакомился со странниками и в течение 3-4 лет размышлял над их учением¹¹. Известно, что примерно в это же время неким Рукавицыным начинают распространяться порицания веры, обрядов и жизни у часовенных. В ответ один из авторитетных деятелей согласия, предположительно в тагильских скитах, пишет опровержение на подобные заблуждения¹². Неизвестно, являлись ли объект разбирательства данного послания и В. И. Рукавицын одним и тем же лицом, но даже в случае их совпадения и при условии, что обличения скитского старца дошли не только до смущенных укорами часовенных, но и до самого “лжеучителя”, результат остался малоутешительным, поскольку на позиции обеих сторон послание, по всей видимости, повлияло довольно слабо. В июле 1901 г. В. И. Рукавицын объявил бывшим единоверцам о том, что “отказывается” от их общества, поскольку сомневается в том, что часовенные правильно совершают чинопоем приходящих от ересей, обоснованно пишут на кресте “титлу пилатову” и причащаются Святými Дарами. Он потребовал от них развернутого обоснования по этим вопросам, а также доказательств соответствия взглядов часовенных на церковную иерархию духу учения первых идеологов староверия¹³. Демонстративно отделившись от часовенных, Рукавицын тем не менее заявил, что к странническому согласию он никогда не принадлежал и не принадлежит, а лишь ищет истину. Вместе со своим другом Григорием Демидовым Хомутовым он составил сборник цитат из разных книг, в том числе из академических изданий новых переводов творений отцов Церкви, а также из сочинений “языческих” писателей о неповиновении властям. Назвав свое творение весьма своеобразно – “Камень претыкания” – и размножив его на гектографе, они

¹⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 70. Л. 3 об. -4.

¹¹ См.: Собеседование старообрядцев-беглопоповцев со старообрядцами-странниками-бегунами в селе Ильинском Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1901. № 24. С. 640–644.

¹² ОРК БРАН. Собр. (43) Тагильского скита. № 28. 26 л.

¹³ См.: *Рукавицын В. И.* Собеседование старообрядцев в с. Ильинском // ПЕВ. Неофиц. отд. 1902. № 5. С. 64.

начали распространять сборник среди местных жителей. В результате такой бурной деятельности через 2-3 месяца в обществе часовенных появились “нестроения”: несколько семей стали уклоняться вслед за Рукавицыным. Оставшиеся забили тревогу и для прений с возмутителем спокойствия вызвали из Саратова известного начетчика А. А. Коновалова, обычно защищавшего часовенных. В. И. Рукавицын, в свою очередь, призвал бегунских вероучителей. Совершенно “неожиданно” в его доме как раз накануне беседы остановились ехавшие к поморцам Ивановской волости Соликамского уезда “и далее на Юм” четыре старца, в числе которых, очевидно, также совсем случайно оказался один из первых помощников главы страннической иерархии – Александр Васильевич Рябинин. Стоит сказать несколько слов о нем. Этот весьма известный деятель являлся уроженцем Висимо-Уткинского завода Верхотурского уезда Пермской губернии и в 1882 г. чуть было не попал на каторгу из-за соучастия в убийстве жены хозяина лавки в Невьянском заводе, где он тогда служил приказчиком, однако, сумев бежать, он через несколько лет объявился в Ярославской губернии и вскоре вошел в число лиц, близко окружавших главу странников Никиту Семенова, а после смерти последнего переехал в Пермь, где исполнял в течение 5 лет должность помощника “старшего” Казанского предела. Пока можно лишь предполагать, что именно в этот, “пермский” период у А. В. Рябинина и состоялось знакомство с начетчиком из Ильинского, вероятно, ставшее поворотным в судьбе В. И. Рукавицына. В 1900 г. в страннической иерархии произошла смена руководства и А. В. Рябинин “пошел на повышение”: он занял при “преимущем старшем” должность помощника, ответственного за проповедническую работу. Известно, что на этом поприще он весьма активно проявил себя: в г. Данилове Ярославской губернии им было создано духовное училище странников, при котором собрана большая библиотека¹⁴, но и полемическая деятельность на второй план не отходила, по крайней мере в первые годы XX в., о чем свидетельствует его появление у Рукавицына в Ильинском в 1901 г.

“Битва титанов” с его участием состоялась 1 ноября 1901 г. в одном из частных домов в д. Масляны Пермского уезда, длилась с 8 часов утра до 10 часов вечера и касалась, в первую очередь, вопроса, каким образом следует принимать еретиков. Странники, естественно, настаивали на крещении всех приходящих¹⁵. Как обычно, расставшись после многочасовой дискуссии, каж-

¹⁴ С 1910 по 1914 гг. А. В. Рябинин возглавлял иерархию странников. Подробнее о нем см.: *Мальцев А. И.* Старообрядческий наставник XX в. инок Арсений (А. В. Рябинин). Материалы к биографии // <http://philosophy.nsc.ru/>; *Он же.* Старообрядческая повесть XX в. “Последние дни и кончина отца Арсения” // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 433–440.

¹⁵ См.: Собеседование старообрядцев-беглопоповцев со старообрядцами-странниками-бегунами в селе Ильинском Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1901. № 24. С. 640–644; *Рукавицын В. И.* Собеседование старообрядцев в с. Ильинском // ПЕВ. Неофиц. отд. 1902. № 5. С. 64–69; № 6. С. 89–97.

дая из сторон считала себя победительницей, что местным часовенным, впрочем, принесло определенные плоды: смятение в их рядах удалось остановить, однако вернуть Рукавицына и его сторонников они все же не смогли¹⁶.

Этот бывший “столп, украшение часовенного согласия”, возглавил небольшое общество последователей, которое первоначально наблюдатели из епархии определяли следующим образом: “... в среде часовенных появилось учение о необходимости перекрещивания, но последователи этого учения к поморцам не пристали, а образуют нечто близкое к странникам...”¹⁷. Когда же открылось, что в семьях новоявленной “секты” стали пропадать дети, а их родители отказывались от каких-либо объяснений, не осталось сомнений в том, что Рукавицын “со товарищи” примкнули к странническому согласию¹⁸. Теперь наступило время встревожиться епархиальным миссионерам, прежде предоставлявшим Рукавицыну место для высказывания своих взглядов на страницах “Пермских епархиальных ведомостей”.

Благодаря радушию новоявленного странноприимца в пермские пределы стали часто наведываться, кроме уже упомянутого А. В. Рябина, старец Спиридон Кузмин, некие Фома и Христофор Васильевы¹⁹. С их одобрения и помощью Рукавицын, считавшийся теперь главным начетчиком пермских странников, развернул деятельность по созданию и распространению гектографов и рукописей²⁰. Более того, после провозглашения веротерпимости он исходатайствовал у губернатора разрешение провести в августе 1906 г. в здании Ильинского волостного правления четырехдневный “разбор” учений разных старообрядческих согласий, причем роль главного “разборщика” он скромно отводил себе²¹. Представителей господствующей церкви на беседы не приглашали, но поскольку присутствовать на них никому не возбранялось, в Ильинское приехали миссионеры Л. Ершов и В. Морозов. Уже в первый день, 27 августа, длинная речь В. И. Рукавицына, изобилующая порицаниями официального православия, возмутила их до такой степени, что они пожелали сразу же изложить свои возражения, однако получили очень дерзкий ответ: “... более двухсот лет старообрядчество было в гонении. Ка-

¹⁶ См.: *Ашихмин А.* Несколько слов по поводу миссионерских бесед в селе Ильинском // ПЕВ. Неофиц. отд. 1903. № 17. С. 152.

¹⁷ *Морозов В.* Состояние раскола и деятельность миссии за 1902 год в пределах Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1903. № 5. С. 63.

¹⁸ См.: *Ашихмин А.* Несколько слов по поводу миссионерских бесед... С. 152.

¹⁹ См.: Пермское епархиальное братство во имя св. Стефана Пермского и его преемников Герасима, Питирима и Ионы в 1907 году. Отчет о деятельности за 25 лет существования Братства // Приложение к ПЕВ [за 1908 год]. С. 21.

²⁰ См.: Отчет о деятельности Пермского епархиального братства во имя св. Стефана Пермского // Приложение к ПЕВ за 1904 год. С. 4.

²¹ См.: *Логиновских Г.* Собрание старообрядцев и миссионерские беседы в с. Ильинском Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1906. № 27. С. 558–561.

ких только бед и мучений не претерпело оно! Старообрядцев ссылали, колесовали, им резали языки. И только теперь они получили свободу. А миссионеры хотят отнять ее. Нет, пусть слушают, кто они и какова их церковь. Теперь мы не дадим себя в обиду. Если миссионеры приехали, то пусть поучаются, если же будут волновать народ, то мы попросим их удалиться, даже можем вывести их из нашего собрания. *Губернатор только нам одним разрешил беседы*”²². Таким образом, оба представителя епархии были вынуждены в течение четырех дней слушать хвалебные слова странническому учению и осуждение часовенных, беглопоповцев, поморцев и вкуче с ними “никонианцев”, щедро льющиеся из уст организатора собраний. Лишь после завершения намеченной Рукавицыным программы миссионеры смогли провести беседу от своего имени, пригласив на нее и начетчика странников. Тем не менее у них осталась “тяжелая и глубокая скорбь на сердце”²³. Выводы были сделаны сразу же. При устройстве следующих старообрядческих прений в июне 1907 г. там же, в Ильинском, миссия потребовала пригласить ее представителя в качестве одной из ответствующих сторон. В результате были устроены беседы между защитником часовенных А. А. Коноваловым, синодальным миссионером Ксенофонтом Крючковым и главой местных странников В. И. Рукавицыным, снискавшим к тому времени широкую известность²⁴. Совершенно радикальные взгляды отстаивались им и на этот раз: поскольку в мире иссякло истинное священство, то все браки, совершаемые без священнословных молитв, незаконны; всех от ереси приходящих, даже крещенных в три погружения, нужно перекрещивать. Наиболее лояльным, по вполне понятным причинам, был ответ начетчика-странноприимца на вопрос “следует ли повиноваться властям?”. Он объяснил, что “у нас учения, чтоб не давать царям дани, нет... мы не покоряемся власти... чтоб соблюсти свою веру”²⁵, выказав тем самым хорошее усвоение идей страннического согласия.

Уже после 1906 г. при участии В. И. Рукавицына был отпечатан на пишущей машинке сборник, явно предназначавшийся для полемики с часовенными. 300-страничное “Собрание Писания и снимков с крестов древняго изображения, для доказательства о том, что титулу пилатову І. Н. Ц. І. на крестах не следует писать, но писать на крестах “Исус Христос” или “Царь Славы, Исус Христос”” для наглядности было проиллюстрировано несколькими

²² Морозов В. Краткий очерк состояния раскола старообрядчества и деятельности миссии в пределах Пермского уезда за 1906 г. // ПЕВ. Неофиц. отд. 1907. № 6. С. 91–92.

²³ Там же. С. 91.

²⁴ См.: Морозов В. Беседы в с. Ильинском Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1907. № 19. С. 352–363; № 21. С. 392–403; № 27. С. 521–527; № 29. С. 575–583; № 30. С. 598–607.

²⁵ Морозов В. Беседы в с. Ильинском Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1907. № 19. С. 352.

десятками фоторепroduкций и для пушей убедительности снабжено примечанием: “Означенные в настоящем собрании книги имеются все налицо в библиотеке Василия Иван. Рукавицына в с. Ильинске Пермской губ. и уезда”²⁶. “Означенных” источников ссылок, цитат и рисунков в нем насчитывалось более 50, в числе которых старопечатные книги (Толковое Евангелие, псалтыри, потребники, четьи минеи, Соборник и др.), рукописи типа “Хронограф древлеписьменный”, а также ставшие в то время традиционными в старообрядческих книжных собраниях труды “расколоведов” митрополита Макария, П. С. Смирнова, Н. Ивановского, К. Плотникова и др.²⁷ составляли лишь малую часть. Значительно чаще В. И. Рукавицын обращается к новым переводам творений авторитетных деятелей церкви, изданиям российских исторических обществ, исследованиям по русской старине. В его библиотеке хранились “Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 г.”, “Русские древности в памятниках искусства” И. Толстого и Н. Кондакова, “Заметки о древнерусском иконописании” В. И. Успенского, “Памятники русской старины в западных губерниях” П. Н. Батюшкова, отдельные выпуски “Трудов Киевской духовной академии”²⁸ и многое другое.

Преуспевал он и на торгово-промышленном поприще. Так, например, в Ильинском Рукавицын имел маслобойный паровой завод, на котором работали живущие у него на содержании бегуны²⁹. В 1909 г. пермский губернатор сообщал в Департамент духовных дел МВД о нем как о главном странноприимце Пермской губернии, в усадьбе которого в с. Ильинском “все “красноверы” и живут”³⁰. Однако никаких действенных мер против Рукавицына власти применить не сумели: очевидно, ему играло на руку преобладание старообрядцев среди должностных лиц в местном волостном правлении, а также всегда имеющийся в его распоряжении шанс уладить дело путем своевременных “подношений”.

Покровительство странникам в Пермском уезде одним с. Ильинским не ограничилось; около 1909 г. оказалось, что они довольно прочно закрепи-

²⁶ ЛАИ УрГУ. VII (Нижнетагильское) собр. 28р/179. Л. 3 ин. об.

²⁷ Имеются в виду: *Макарий, митр. Московский*. История русского раскола. СПб., 1889; *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898; *Ивановский И.* Руководство по истории и обличению раскола. Ч. 1. Казань, 1886; *Плотников К.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1894.

²⁸ Имеются в виду: Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. Т. 1. СПб., 1892; *Кондаков Н., Толстой И.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891; *Успенский В. И.* Заметки о древнерусском иконописании. Известные иконописцы и их произведения: св. Алимпий и Андрей Рублев. СПб., 1901; *Батюшкова П. Н.* Памятники русской старины в западных губерниях. Вып. 7. Холмская Русь. СПб., 1885; Труды Киевской духовной академии. 1865. Сентябрь. Киев, 1865.

²⁹ См.: *Логиновских Г.* Картинка из жизни закамских странников // ПЕВ. Неофиц. отд. 1906. № 36. С. 786–790.

³⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 585. Л. 57–58 об.

лись в Курашимском заводе, где раньше числились только часовенные и поморцы. В завод наезжали начетчики бегунов Фома Васильев и Христофор Васильев, “очень боевые”, устраивающие религиозные споры “на каждом шагу”, что вызывало сильное недовольство других беспоповских наставников³¹. Ситуация складывалась иногда весьма парадоксально: миссионер В. Морозов, прибывший беседовать со странниками, удостоился за это благодарности от поморцев и часовенных, особенно после того как стало известно, что оба пропагандиста-бегуна, не дождавшись дебатов, скрылись³². Однако, исчезнув в одном месте, они неизменно появлялись в другом, ловко уклоняясь от встреч с представителями властей и устраивая новые беседы с крестьянами с целью убедить их присоединиться к “истинно православным христианам”. Неудивительно, что столь активная пропаганда, обращенная, в первую очередь, к староверам других согласий, начала приносить плоды и известия о присоединении к странникам перестали быть редкостью.

В д. Кленовой Пермского уезда все часовенные перешли к “голбешникам”³³. В с. Губернском Екатеринбургского уезда в 1905–1909 гг. были замечены активные проповеди страннических деятелей в среде часовенных и единоверцев. В результате число последователей “истинной православной веры” за указанные четыре года в этом селе увеличилось с 2-3 до 15-20 семей³⁴. Странноприимец, проживающий в Губернском, бывший часовенный Андрей Полиектович Димитрин, высказывая полицейским чинам (проводившим в 1909 г. предварительное следствие о “вредных” беседах пяти неизвестных бегунских проповедников) свою интерпретацию учения страннического согласия, отметил следующие аспекты:

– церковь не признаем, так как священство утратило свою силу (“священник должен быть небесный человек и земной ангел. Между тем ваши священники пьют водку, курят табак, играют в карты и танцуют”);

– признаем только “трехпогружательное” крещение (совершается оно в случае ухода человека из мира, а когда рождается младенец, делают только оглашение);

– таинство брака совершать не обязательно (“хотя браки и существуют между нами, но это простое сожительство, которое мы считаем за грех и терпим только ради немощи нашей плоти”);

– причащения у нас нет из-за отсутствия священства;

– покаяние должно принимать только при смерти;

– гражданская власть отделена от нас верою, но если она “не идет против веры”, то ей должно повиноваться.

³¹ См.: Курашимский завод Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1909. № 8. С. 151–153.

³² См.: Там же.

³³ См.: Морозов В. Краткий очерк состояния раскола старообрядчества... С. 88–98.

³⁴ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2595. Л. 10 об.

Обращает на себя внимание, что исполнение всех таинств было сведено к минимуму. Это могло быть одним из крайних вариантов развития тезиса об отсутствии истинного священства, который активно рассматривался часовенными в 1880-е гг. В данной версии была принята формула “нет священников, следовательно, нужно полностью отказаться от тех обрядов, которые доверены духовным лицам”. Допускаемое у бегунов участие мирян в совершении таинств действительно имело место только в двух самых крайних случаях: при уходе человека из мира (в странствие) его крестили, при смерти – принимали покаяние. Именно это, очевидно, и стало основанием для сближения часовенных с бегунским согласием. Примечательно обстоятельство, что один из базовых постулатов учения странников об отношении к “антихристовым” властям вновь примкнувший воспринял с меньшим пониманием. Его слова подтвердили еще двое местных “истинно православных” – Игнатий Григорьевич Архипов и Трефилий Никитьевич Маркин. Хотя, возможно, на показания бегунов (а допрошенные были из разряда странноприимцев, а не странствующих) повлияло присутствие представителя тех самых властей – полицейского урядника. Он, в свою очередь, опираясь на показания православных и единоверцев, в рапорте настаивал на том, что речи приехавших неизвестно откуда и отбывших в том же направлении проповедников (их, кстати, задержать не удалось, и поэтому следствие было прекращено из-за отсутствия обвиняемых) носили противоправный характер: “...вычитывали собравшейся толпе народа следующее: не нужно иметь правительственные власти, священство, православную церковь... не нужно иметь никаких видов на жительство – все это подлежит Антихристу...”³⁵.

Власти всегда причисляли “странников” к наиболее вредным и опасным “раскольническим сектам” и поэтому уделяли особое внимание пресечению их деятельности. Успех в этом сопутствовал полиции в 1911 г. Началось все совершенно незамысловато: известный в среде уральских староверов защитник страннического вероучения крестьянин Оханского уезда Пермской губернии Архип Евдокимович Пинаев в беседах с пермским епархиальным миссионером в январе 1911 г. высказал вызывающие мысли в адрес официальной церкви и государственных властей. Поэтому сразу же после окончания дебатов в его доме в д. Кунеты полиция произвела обыск и нашла несколько адресов, которые вскоре были проверены³⁶. На одном из них, в Нижнем Тагиле, у странноприимца Федора Ивановича Бушина удалось задержать “за бесписьменность” старца, назвавшегося Трофимом Михеевичем, крестьянином Суксунского завода, в 1906 г. крестившимся в Томской пустыни у Иоанна Меркульевича³⁷. В доме Ф. И. Бушина изъяли крестиль-

³⁵ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2595. Л. 6.

³⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 87–88 об.

³⁷ ГАПО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 522. Л. 1–10 об.

ню, иконы и библиотеку из 339 книг. Спустя четыре месяца, в июле 1911 г., в Нижней Салде был арестован старший Нижнетагильского предела Феодорит Дмитриевич, у которого нашли тетрадку с записями о денежных расходах³⁸. Таким образом, слухи о богатстве странников получили документальное подтверждение. Согласно этой отчетности, в 1910 г. по пределу было израсходовано 11 тысяч рублей и еще 5 тысяч числилось в остатке, часть которого предполагалось потратить на устройство и содержание кельи старца Александра Васильевича, в августе 1910 г. избранного старшим преимущественно³⁹.

Однако часть задержанных в ходе этой акции вскоре вновь оказалась на свободе. Не нашлось достаточно оснований для длительного содержания в тюрьме старца Трофима⁴⁰. Е. А. Пинаев, обвиненный в 1911 г. ни много ни мало в призыве к «учинению бунтовщического или изменнического деяния»⁴¹, в 1913 г. вновь, как ни в чем не бывало, разъезжал по Васильевскому и Филатовскому приходам Пермского уезда и «вел в ночное время беседы о царстве антихриста»⁴².

Постоянно тревожили власти сообщения о бесследных исчезновениях людей⁴³. В большинстве случаев факты подтверждались, однако ни одно из известных по документам расследований не завершилось отысканием виновных. В 1908 г. из Надеждинского завода безвозвратно уехала якобы в Нижний Тагил к доктору крестьянка Мария Злоказова. Местный фельдшер, незадолго до отъезда осматривавший Марию, показал, что у нее была последняя стадия туберкулеза и шанс прожить не более месяца. Возмущенная мать пропавшей требовала разбирательства, поисков дочери, людей, увезших ее, и обвиняла во всем семью Злоказовых. Муж Марии, Степан Злоказов, на предварительном следствии открыто заявил: «...во всем следую учению Христа, но в церковь не хожу, так как замечаю, что попы много делают неправды. Крестился и венчался я в церкви. Ни к какой секте я не принадлежу, хотя могу назваться странником, ибо придет время, когда я должен буду бежать от света в пустыню и странствовать»⁴⁴, – но заметил, что жена его уехала по своей воле, а не была увезена насильно. Известно было, что сестра Степана,

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 87–88 об.

³⁹ См.: *Здравомыслов А.* Каторжник – патриарх старообрядцев «странников» // ТЕВ. Неофиц. отд. 1915. № 16. С. 224.

⁴⁰ В заключении он провел не более одного месяца (ГАПО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 522. Л. 10–10 об.).

⁴¹ Свод законов Российской империи / Подред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского. Т. 15. Кн. 5. СПб., 1912. С. 255 (Уголовное Уложение, ст. 129); ГАПО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 522. Л. 3.

⁴² *Куляшов А.* Миссионерский съезд в с. Ильинском // ПЕВ. Неофиц. отд. 1914. № 35. С. 731.

⁴³ ГАПО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 158. Л. 81–81 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 7 об.; Ф. 11. Оп. 5. Д. 2190, 2339.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2190. Л. 13.

за год до того отославшая “в пустынь” свою дочь, приняла постриг и под именем Лидии тоже отправилась в странствие. Она, кстати, и сопровождала Марию в поездке до Тагила, а затем планировала добраться “может быть в Челябинск, потом в Казань”, хотя конечной целью ее были томские скиты. Казалось бы, факт преступления налицо, хотя виновную Лидию еще предстояло найти. Однако, когда следователю были предоставлены письма пропавшей к ее родным, стало ясно, что нашумевшее исчезновение женщины было ею заранее спланировано: “Уведомляю вас, маменька, письмо мы ваше получили и оно нас сильно опечалило. С этого письма тебе меня уже будет не видеть. Ты пишешь, что Степе будет стыд, если я уеду. А если ты предлагаешь схоронить меня в белом гробу как пьяницу – не стыдней ли ему будет? Он был властен только в моем теле, а в душе никто не властен. После этих угроз ты мне не мать, я тебе не дочь!”⁴⁵. Тогда родители Марии попытались выдвинуть требование о возвращении ее приданого, “так как детей у Злоказовых нет”, но этим только дали товарищу прокурора основание саркастически заметить: “Мария... сама пожелала уехать куда-то от своих родных, дороживших, по-видимому, ея приданым более чем ею самою”⁴⁶. На этом дело и было прекращено за отсутствием признаков преступления.

В 1916 г. полицейскому уряднику Нижнесалдинского завода одна из прихожанок местной единоверческой церкви, Степанида Алексеева Плешивова, сделала заявление о том, что у нее пропал маленький сын Виктор⁴⁷. Муж Степаниды был взят на службу солдатом и находился в Перми, сама же она не всегда имела возможность сидеть с ребенком и потому иногда оставляла его на несколько дней в доме свекрови Любови Константиновой Плешивовой. По утверждению матери, когда она видела своего ребенка в последний раз, он был здоров и весел. Однако уже через день мальчик исчез, и ее свекровь сказала, что он “на покое у дедушки Анатолия”, который давно умер. Уряднику удалось дознаться, что ребенок перед исчезновением захворал, а Любовь Плешивова пригласила “каких-то старух”, заперлась с ними в доме и оттуда были слышны духовные песни. На допросе она спокойно признала: “... веру исповедую христианскую, без попов, по-народному пахтеев. Про мальчика ничего не знаю”. Около месяца за Любовью Плешивовой был установлен полицейский надзор, но каких-либо новых улик для ее обвинения найти не удалось, и в конце концов Екатеринбургский окружной суд прекратил дело “за отсутствием вещественных доказательств” преступления⁴⁸.

Не особо удавшимся следует признать и преследование невянского крестьянина Василия Яковлева Рябинина, уличенного в январе 1915 г. в поно-

⁴⁵ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2190. Л. 69.

⁴⁶ Там же. Л. 70 об.–71.

⁴⁷ Там же. Д. 2339. Л. 1-1 об.

⁴⁸ Там же. Л. 42.

шении православной религии и оскорблении императора⁴⁹. Находясь в числе рабочих в одном из заводских помещений, он позволил себе восхвалять свою секту “лучинковцев”, которые царя не признают и ему не служат, называл еретиками всех православных вместе и императора в отдельности. В. Я. Рябинин убеждал слушателей переходить в его веру, поскольку тогда не надо будет “служить своему государю”⁵⁰. По утверждению свидетелей, такие речи он высказывал неоднократно и ранее, однако к суду был привлечен только в этот раз. С июня 1915 г. за ним установили особый полицейский надзор по месту жительства, а 12 февраля 1916 г. состоялся суд, который вынес приговор – за неуважение к особе царствующего монарха заключить В. Я. Рябинина на 4 месяца в крепость и удержать с него все расходы по данному делу. Однако тот дважды подавал прошение о пересмотре дела и добился сначала, в декабре 1916 г., уменьшения срока до 2 месяцев и 20 дней, а затем, в июне 1917 г., на основании указа Временного правительства – полной отмены наказания с принятием всех издержек за счет казны⁵¹. Накал страстей в этом деле уменьшался по мере того, как происходили политические изменения в стране.

С началом военных действий в 1914 г., вызвавших волну патриотизма в стране, странников стали обвинять даже в подготовке революционных выступлений. Один из православных “поборников веры”, как он себя называл, из д. Русский Турыш Ачитской волости Красноуфимского уезда пожаловался епархиальному миссионеру на рост последователей секты бегунов в округе: “...как я помню, было дома два, а теперь уже более наполовину в деревне”⁵². Он доносил, что у них в Русском Турыше скрывается от военной службы странник Пинаев. “Поборник веры” выражал удивление по поводу молчания и бездействия красноуфимского исправника, которому была послана надлежащая бумага о происходящем, в то время как “странники собирают поболее народа, чтобы ополчиться на царя и на нас, православных... здесь перед нами в полном смысле угроза революции, этот раскол становится противогосударственным”⁵³.

В целом же, дознания о лицах, распространяющих “изуверское учение”, серьезных последствий в большинстве случаев не имели. Проповедники, “хулящие православную церковь и власть”, стремительно отъезжали в неизвестном направлении, а их слушатели не имели никакого представления о фамилиях и именах посетителей. Осторожность бегунов и умение странноприимников договориться с представителями местных властей всегда играли большую роль в выживании этого согласия.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 3358. Л. 4–17.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

⁵¹ Там же. Л. 6–17.

⁵² ГАПО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 34. Л. 22–23 об.

⁵³ Там же.